

Лельхова Федосья Макаровна
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
lelhovafm@yandex.ru

Этнолингвистический анализ наименований ягодных растений в восточных диалектах хантыйского языка

Аннотация

В настоящей публикации представлен опыт классификации лексики – названия дикорастущих ягодных растений – в восточных диалектах хантыйского языка в этнолингвистическом аспекте. Цель исследования – описание мотивационных признаков и частотных способов формирования онимов растений. Источниками материала для анализа послужили словари двух хантыйских диалектов – ваховского и сургутского, а также сделанные в ходе экспедиций 2015 и 2022 годов полевые записи. Для обработки и интерпретации полученных данных использовались: метод описания, сравнительно-сопоставительный анализ качественных и количественных характеристик онимов для выявления типологических черт, а также метод компонентного анализа. Каждому фитониму давалась дефиниция и проводился словообразовательный анализ, в ряде случаев добавлялись элементы этимологического анализа. Всего выявлено и проанализировано более 50 лексических единиц исследуемой тематической группы. Обнаружены вариативные названия ягодных кустарников в хантыйском языке, выделены диалектные особенности номинаций. Систематизированы отражающие представления носителей языка о ягодных растениях мотивирующие признаки: 1) место произрастания растения; 2) потребитель растения в пищу (птица или зверь); 3) место обитания птицы / животного; 4) глаголы действия; 5) цвет плодов, листьев (цветовой признак); 6) семантический признак (хруст, хрустеть; переплетаться); 7) подобие формы плода другим плодам (внешнее сходство формы плода) и др. Самым частотным способом образования исследуемых номинаций оказалось сложение, семантический способ и суффиксация были менее частотны. В названиях ягодных растений заимствованные слова отсутствовали.

Ключевые слова: этнолингвистика, диалектная лексика, ягодные растения, способы образования, мотивационный анализ, хантыйский язык, восточные говоры

© Лельхова Ф. М. 2022

Для цитирования: Лельхова Ф. М. Этнолингвистический анализ наименований ягодных растений в восточных диалектах хантыйского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 65–73. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_65

Fedosia M. Lelkhova
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
Khanty-Mansiysk, Russian Federation
lelhovafm@yandex.ru

Ethnolinguistic analysis of berry plant names in the Eastern Khanty dialects

Abstract

This paper presents the experience of classifying vocabulary – the names of wild berry plants – in the Eastern dialects of the Khanty language in the ethnolinguistic aspect. The aim is to describe the motivational features and the main ways of nominating plants. The materials for this study were taken from the Vakhovsky and Surgut Khanty dialect dictionaries, field dialect records made by the author of this study during expeditions in 2015 and

2022. To process the data and interpret the results, a number of methods were applied: description, phitonyms' qualitative and quantitative features comparison, component analysis, definition analysis and word-building pattern analysis, in some cases elements of etymological analysis were used. The total of more than 50 lexical units were identified and analyzed. Variable names of berry bushes in the Khanty language were found, dialect features of the phitonyms were demonstrated. The motivating features reflecting native speakers' ideas about berry plants were systematized: 1) the place where the plant grows; 2) the name of a bird / beast feeding on the plant; 3) the habitat of the bird / animal; 4) action verbs; 5) the color of berries, leaves (color feature); 6) semantic feature (crunch, crunch, intertwine); 7) similarity of berry's shape to other berries' shape, etc. Compounding was discovered to be the most frequent word-building pattern, semantic and suffixation were less frequent. No borrowed words were used in the phitonyms under study.

Keywords: ethnolinguistics, dialect vocabulary, berry plants, word-building patterns, motivational analysis, Khanty language, Eastern dialects

© Lelkhova F. M. 2022

For citation: Lelkhova, F. M. (2022). Etnolingvisticheskiy analiz naimenovaniy yagodnykh rasteniy v vostochnykh dialektakh khantyyskogo yazyka [Ethnolinguistic analysis of berry plant names in the Eastern Khanty dialects]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 65–73. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_65

1. Введение [Introduction]

Проблемы манифестации диалектной картины мира уже не один год находятся в центре этнолингвистики. При этом особое внимание исследователей уделяется номинациям феноменов местной народной материальной культуры, а именно таким артефактам, как потребляемые в пищу продукты, предметы одежды, жилищные и хозяйственные постройки, орудия труда, растения, животные и т. д., ведь из этих номинаций мы черпаем сведения о повседневном жизненном укладе этноса [Лукьянова, 2014, с. 184].

Уникальность языковой картины мира носителей диалектов коренного малочисленного этноса хантов сибирского Севера состоит в многообразии фитонимов, а именно – названий ягодных растений, и мотивационных признаков этих названий, отражающих специфику мироощущения хантыйского народа. Изучение диалектных номинаций растений представляет большой интерес во многих аспектах. Народные обозначения фитонимов отличаются разнообразием названий, множественностью мотивационных признаков. Сопоставление указанных лексических единиц чрезвычайно важно для понимания ценностных приоритетов диалектоносителей.

Настоящая статья посвящена мотивационным признакам, лежащим в основе названий ягод в восточных диалектах хантыйского языка. Нами предложен целый ряд мотивационных признаков, основными из которых можно назвать: 1) место произрастания растения; 2) потребитель растения в пищу (птица или зверь); 3) место обитания птицы / животного; 4) глаголы действия; 5) цвет плодов, листьев (цветовой признак); 6) семантический признак (хруст, хрустеть; переплетаться); 7) подобие формы плода другим плодам (внешнее сходство формы плода); 8) мифологический мотив. Цель исследования – описание мотивационных признаков и частотных способов формирования фитонимов растений и их сопоставление в разных хантыйских диалектах.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для обработки и интерпретации полученных данных использовались: метод описания, сравнительно-сопоставительный анализ качественных и количественных харак-

теристик онимов для выявления типологических черт, а также метод компонентного анализа. Каждому фитониму давалась дефиниция и проводился словообразовательный анализ, в ряде случаев добавлялись элементы этимологического анализа.

Источниками материала для анализа послужили словари двух хантыйских диалектов – ваховского и сургутского, а также полученные нами во время экспедиций 2015 и 2022 годов полевые записи. В ходе экспедиций языковой материал собирался в процессе непосредственного общения с носителями ваховского диалекта. В результате была зафиксирована лексика живой народной речи сельских жителей п. Корлики Нижневартовского района ХМАО – Югры. Лингвистический материал по сургутскому диалекту методом сплошной выборки подобран из лексикографических источников, также была проведена работа с уроженцами д. Тайлаково Сургутского района.

В результате выявлено 50 наименований ягод и ягодных кустарников, растущих на территории проживания восточных ханты, которые оказались распределены следующим образом: общие названия – 5, голубика – 3, черника – 3, водяника – 5, брусника – 3, толокнянка – 2, клюква – 2, можжевельник – 3, вороний глаз – 1, красная смородина – 2, чёрная смородина – 2, морошка – 3, малина – 6, княженика, поленика, костяника, дикая земляника – 4, ежевика – 2, шиповник – 2, черемуха – 1, ягоды рябины – 1. Ниже представлены результаты этнолингвистического анализа, направленного на выявление их мотивационных признаков.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе анализа найденных фитонимов было выявлено, что общими названиями ягод восточных ханты служат лексемы в. ул 'ягода' (фонетический вариант слова к. *вөл*, аз. *вул* 'ягода'), с. *канэк* 'ягода', в. *ваньтэм от* / с. *воньтэм ёт* / с. *ваньтэм ёт*; с. *воньчам* / *воньтэм* 'ягода (букв. собранное)'. Голубика, черника, брусника, водяника и др. ягодные кусты называют также в. *йахам ул* / с. *йохам воньтэм ёт* 'боровая сосновая ягода'. Что интересно, в рассматриваемых диалектах нами не зафиксировано сочетание болотная ягода, в северных же диалектах предостаточно сочетаний с семантикой болотная ягода. Возможно, нам это ещё предстоит узнать.

Голубика. В существующих словарях сургутского диалекта отмечается слово *лэник* 'голубика' [Покачева, Песикова, 2006, с. 28–30]. Наряду с формой *лэник* используется и лексема *лэник* (юг. О. Д. Тайлакова, Е. А. Нюгломкина (Курломкина) родом из д. Тайлаково). По словам уроженки п. Новоаганск Р. С. Сопочиной эти две формы слова *лэник* / *лэник* для обозначения ягоды голубики употребляются повсеместно. Произношение *лэник* характерно и для юганских ханты. Происхождение данных лексем *лэник* / *лэник* не ясно. На языке ханты реки Вах голубика, как и в говорах, относящихся к западному диалектному массиву, именуется *тахтау ул*. В настоящее время часто можно услышать, что слово *тахтау ул* связано с названием птицы гагара. В статье, посвящённой названиям ягод в северных диалектах хантыйского языка, мы отмечали, что ягода так называется потому, что лопается, когда созреет, кожица ягоды становится тонкой, к осени её уже трудно собрать целой, она пачкает руки, вытекает сок: *тохэл* 'лопается кожа ягоды, рвётся' [Лельхова, 2021, с. 80]. От какого слова происходит лексема *тахтау рых* 'голубика' знают носители сынского диалекта. Интерпретируя слова представителей хантыйского этноса, проживающих в районе реки Сыня, отметим, что мотивационным признаком является не потребитель ягоды в пищу (гагара), а семантический признак самой ягоды – её свойства: *тохэл* 'лопается, рвётся', *тахтау* 'лопающаяся / рвущаяся (ягода)'. Таким образом, основу номинации представляет глагол действия сын., к., ср.-об. *тохты* 'рваться, лопаться'; в ваховском диалекте есть редко употребляемый современными носителями языка глагол *тахта, төхи тахта* 'рваться, лопаться', 'отрываться'. Подтвердила наше предположение, что и в ваховском диалекте голубика – лопающаяся

ягода – Анна Константиновна Могульчина примером: *Ма ул ваньлом, төүи тахвалт* – 'Я ягоду собираю, они лопаются, так как переспелые' (А. К. Могульчина). По сообщению носителя ваховского диалекта Л. Е. Куниной, голубика – *йахам ул* 'боровая сосновая ягода', она растёт, в основном, в сосновом бору, название многолетника мотивировано местом произрастания растения.

Черника. Варианты этого фитонима функционируют в восточных диалектах: в. *сөйүл*, с. *сэвәмсэ* / с. *сэвәмс*. По информации диалектоносителя Л. Е. Куниной, черника так называется, потому что похожа цветом на золу, сизоватого цвета: *сөй* 'зола', 'пепел', 'уголь', *ул* 'ягода'. По мнению Е. В. Прасиной, уроженки п. Корлики, ягода черника тёмная, почти чёрная по сравнению, например, с голубикой, как уголёк (одно из значений слова *сөй* 'уголь'), поэтому так называется черника (уголь-ягода). В северных диалектах название ягоды – *сэвәмса* / *сэвәмса*. Как считают носители сынского диалекта, ягода так называется, потому что листья и стебель кустарника растут переплетаясь, *сэваццэт*, в названии заложен глагол действия *сэвты*, *сэваццты* (*сэв-* + суффикс глагольного действия =*эпсы* / =*эмсэ*). Название растения в сургутском диалекте так же как и в северных диалектах образовано от глагола действия *сэвты* 'переплетаться', 'плести'. Чернику можно встретить и на сухих участках боров, и с болотистыми территориями, на просторных полянах и в чаще густого леса. Номинация кустарника мотивирована также и местом произрастания ягоды – её называют с. *йохам воһтьэм ёт*, в. *йахам ул* 'боровая ягода'.

Водяника. Для обозначения водяники ваховские ханты используют следующие лексемы: в. *ньёхусул* (букв. 'соболя ягода'), в. *мёнкәм ики ул* 'медведя старика ягода'. По мнению Л. Е. Куниной, существует также вариация *мёнкул*, семантика слова несколько иная – 'нечто страшного ягода'. Сургутские ханты именуют водянику производной единицей *мәкәл*, однако диалектоносители не смогли уточнить происхождение наименования ягоды. По представлениям северной группы ханты, ягоду водянику употребляют собаки: ш. *амп рых*, к. *ампвөл*, ср.-об. *амп вот*. Как известно, водяника утоляет жажду, поэтому в лесу в отсутствии воды, ханты едят вкусную ягоду, едят её также собаки и другие животные. *Ампем на йицук йиһцтыһа ўратәл* 'Собака моя тоже пить хочет'. По устному сообщению уроженки п. Русскинской Р. С. Сопочиной медведь тоже есть водянику, наименование, присутствующее в ваховском диалекте, подтверждает это.

Эта лесная ягода относится к группе *йахам ул*, мотивационным признаком является место её произрастания. Большинство приведённых выше лексем появились в результате словосложения, однако среди них присутствует и производная единица.

Клюква. Для обозначения клюквы используются две лексемы: в. *тархул* 'журавлиная ягода', в. *пән* / с. *пан*. Наименования *тархул* образовано семантическим способом. Здесь очевидны два мотивировочных признака: а) «место обитания птицы журавля», так как жизнедеятельность этих пернатых связана с болотистыми участками; б) «название птицы, у которого ягода выступает источником пищи». Как известно, в качестве объектов пропитания растительного происхождения журавли с удовольствием поедают различные травы, саженьцы, листья и корневую систему. Кроме этого, журавли могут питаться бобовыми, злаками и ягодами в том числе. Питаются журавли и животной пищей, с удовольствием едят рыб, насекомых, червей, улиток, особенно в период выращивания потомства.

Лексемы в. *пән* / с. *пан* характерны только для восточных диалектов хантыйского языка. Этимология слова неясна. В западных диалектах хантыйского языка этот фитоним явился результатом сложения, в качестве мотивирующего признака использовано место произрастания.

Брусника. Как и в западных диалектах хантыйского языка, в ваховском в основу названия кустарника положена характеристика, базирующаяся на установлении сходства растения по цвету (*вэртүл* 'красная ягода'). Мотивационным признаком номи-

нации является и место произрастания фитонима – бор. В работе И. В. Бродского, посвящённой фитонимам в финно-угорских языках, отмечается мотивационный признак – образование названия от слова *бор*: эрз. *пиче умарь*, мокш. *пиче* || *марь* 'сосновая ягода', мар. *пӧчыж* 'брусника' (луг.) / 'клюква' (гор.) букв. 'сосна', удм. *ляг* || *мульы* || *пуд*, *яг* || *мульы* || *пу(д)* букв. 'боровое ягодное дерево' [Бродский, 2014, с. 127–128]. В близкородственном мансийском языке брусника именуется также *суйтил* (*суй* 'бор', *пил* 'ягода') [Ромбандеева, 2005]. В отличие от других диалектов хантыйского языка только сургутские ханты именуют бруснику с. *канэк*, при этом этимологию слова носители диалекта не смогли пояснить.

Толокнянка (медвежья ягода). Толокнянка обыкновенная, или медвежье ушко (лат. *Arctostaphylos úva-úrís* (L.) Spreng.), относится к семейству вересковых (лат. *Ericaceae*). Предпочитает открытые, хорошо освещённые места. Толокнянка очень схожа с брусникой, как внешне (ярко-красные ягоды), так и по местам произрастания. Плоды толокнянки несъедобны, но и не опасны для здоровья. По свойствам плода ягоды значительно отличаются: при раздавливании в руках и раскусывании для брусники – сочность, а для толокнянки – мучнистость, суховатость и жёсткость, т. е. сходство с толокном (отсюда и мотивация названия).

В восточных диалектах хантыйского языка известны следующие номинации: в. *амп ул* (по сообщению Л. Е. Куниной), с. *амп канэк* 'толокнянка' (букв. 'собачья ягода'). В хантыйской культуре толокнянка – это почитаемая ягода, относится к священным – *йэмэу воьщэмӧт*. Поэтому её нельзя есть человеку, так как употребление ягоды в большом количестве может привести к отравлению. О том, что эта ягода почитаема, предназначена для птиц и животных, всегда напоминают детям в целях сохранения их здоровья. В нашей предыдущей работе мы отмечали, что «в сынском диалекте толокнянка – это *лӱк рых* 'глухарина ягода', *лӱк лэты рых* (букв. 'ягода, которой питаются глухари'), также известна сакральная номинация: *ин икев воьщӧт* 'медвежья ягода' (букв. 'собираемое стариком'), номинация *моми рых* (букв. 'лесных существ ягода'), здесь имели ввиду, что это ягода хищных лесных зверей, её нельзя собирать, *моми* – одно из сакральных имён животных [Лельхова, 2021, с. 84]. Разделявая глухаря, ханты обнаруживают в желудке птицы ягоды толокнянки, отсюда его название *лӱк лэты рых* (букв. 'ягода, которой питаются глухари'). Таким образом, в качестве мотивемы выступает признак растения «название животного, у которого ягода выступает источником питания».

Можжевельник. Наименование служит для обозначения вечнозеленого хвойного растения-долгожителя (до 300 лет) кустарника или небольшого деревца в форме узкой пирамиды; растение относится к семейству Кипарисовых (*Cupressaceae*), известно также под названием «верес».

Ягоды можжевельника ваховские и сургутские ханты именуют ягодой глухаря: в. *лӱк ул*, с. *лӱк канэк*. В словаре восточно-хантыйских диалектов приведена словоформа растения трюмьюганского говора сургутского диалекта *лӱк тӧхрӧн йуу* 'можжевельник' (букв. 'глухарь хвойный куст') [Терешкин, 1981, с. 240]. Ханты реки Сыня считают можжевельник *ме(н)к йӱх рых*, *ме(н)к рых* 'ягоды менка' (мифического существа). Можжевельник так же, как и толокнянка, относится к священным ягодам природы. Об этом кусте и его ягодах нельзя говорить громко, топтать или ломать кусты, нельзя употреблять в пищу. В воспитательных целях подрастающему поколению хантыйской семьи принято было о священных ягодах говорить вполголоса, негромко, чтобы не потревожить хозяина леса, особо подчёркивалась пригодность ягод для животных и их несъедобность для человека для того, чтобы предотвратить отравление.

Наименования ягод толокнянки и можжевельника в восточных диалектах хантыйского языка являются по форме сложными и в основном указывают на мотивему «название животного, у которого ягода выступает источником питания». В названии

ягоды отражается также мифологический мотив, что обусловлено запретом на поедание данных ягод людьми.

Вороний глаз. Хантыйское название ягоды помнит Кунина Любовь Егоровна – прекрасный носитель родного языка, автор единственного на ваховском диалекте фольклорного сборника «Ал'вы. Альвы», в котором представлены произведения устного народного творчества хантов реки Вах. Сказки, легенды и былины, песни и загадки Любовь Егоровна знает и помнит с детства, их рассказывали её родители, а также другие родственники, соплеменники. Умеет она их и рассказывать. На языке ваховских ханты вороний глаз – это *кынь ул* 'духа смерти ягода'. Любовь Егоровна говорит, что «у растения одна ягодка, и её нельзя есть. Ягода тёмно-синего цвета, почти чёрного, похожа внешне на чернику. Это ягода *Кынь ики*». Для сравнения, шурышкарские, а также ханты реки Сыня, также называют ягоду *моми рых* 'ягода лесных существ, хищных животных'. В русском языке у вороньего глаза много названий, среди них крест-трава, кукушкины слёзы, волчьи глазки, медвежьи ягоды. Ядовитый и токсичный вороний глаз растёт в Западной Сибири, на территории проживания ханты. Наименование *вороньего глаза* в лексикографических источниках хантыйского языка отсутствует, в основе мотивированного признака слова лежит мифологический мотив.

Смородина красная. В качестве наименования красной смородины у сургутских ханты используется лексема *вармаль*. На реке Вах отмечена номинация *тронь ул*. Семантику слова *тронь ул* диалектоносители объяснить затрудняются.

Чёрная смородина. Сморо́дина чёрная – листопадный кустарник с душистыми ягодами, принадлежит к семейству крыжовниковых, представлена фонетическими вариациями номинаций в диалектах: в. *човчэу ул* 'смородина ягода', с. *чэпчэх*. В название ягоды, вероятно, положена форма плодов. Форма ягод смородины округлая, овальнопродольная или несколько сдавленная с полюсов. Так, существительное *човчэу*, возможно, произошло от слова *чов* 'часть, кусок, обрубок; половина' (ягоды приплюснутой формы, как бы немного половинчатые).

Морошка. Морошка – родственница малины, многолетнее растение семейства розовых. Произрастает эта удивительная ягода в Сибири, в европейской части России и на Дальнем Востоке. За границей морошка растёт в Белоруссии, скандинавских странах и Канаде. Морошка прекрасно переносит сильные морозы и очень хорошо себя чувствует в тундре, торфяных и болотистых местах. Растение цветёт с мая по июнь белыми цветами. На вкус созревшие ягоды кисло-сладкие, с ароматом малины. Внешне морошка очень похожа на малину и ежевику. Сбор плодов проводится в июле.

Наименований, обозначающих морошку в восточных диалектах хантыйского языка, три: в. *морэу*, с. *мёрэу* и лексема с. *жану*. Диалектная единица *жану* 'морошка', состоящая из непроемной основы, характерна только для сургутских ханты. Ранее мы писали, что костянка неспелой морошки издаёт хруст, когда её едят, соответственно, в основе номинации лежит глагол действия сын. *мёрэу* 'издавать хруст при поедании', 'есть с хрустом'. Семантический способ образования наименования морошки можно объяснить мотивировочным признаком – морфологическое строение растения: в плодах ягоды морошки присутствуют косточки, которые при поедании издают звуки хруста [Лельхова, 2021, с. 82]. Интересным представляется замечание о происхождении общего названия морошки *лумь* в кильдинском саамском языке. Слово произошло, по мнению информанта, от глагола *лум*, что на саамском значит 'прятаться', так как 'когда собирали морошку, её приходилось искать, наклоняться, ведь сверху её сначала и не увидишь. Ягода как будто прячется' [Шалаева, 2020, с. 78]. Существуют у народа ханты и поверья, связанные с ягодой морошкой. Ваховские ханты считают, что сон про сбор морошки, а также кедровых шишек, предсказывает богатый улов рыбы [Яковлев, 2011, с. 216].

Малина. На территории проживания восточных ханты дикая малина именуется как ягода соболя: в. *ньёхэс морэу* / юг. *ньёвэс мёрэну* (букв. 'ягода соболя'). Проживающая в п. Ларьяк ХМАО-Югры Е. Г. Прасина утверждает, что наименование малины – в. *зотэу морэу* (букв. 'ягода халея, чайки'), в словаре восточно-хантыйских диалектов даётся такой перевод: 'название какой-то ягоды, возможно малины' [Терешкин, 1981, с. 175]. Мама Е. Г. Прасиной родом из соседней деревни Сосновый бор, от неё она и знает это слово. Носители языка п. Корлики не знают названия *зотэу морэу*. Любовь Егоровна Кунина утверждает, что малина у ваховских ханты – это *путьки морэу* 'птички ягода'. В современных словарях наименование *путьки морэу* для обозначения малины отсутствует, нет и лексемы *котэу морэу*. Мотивировочным признаком номинации ягоды является «название животного, у которого ягода выступает источником пищи». Лексическая единица с. *мёрэук зёнзи* / с. *мёрэс зёнзи* 'малина' в дословном переводе представляется как 'морошковая ягода' – ягоды малины по форме похожи на морошку. Следовательно, мотивационным признаком образования в диалектных названиях данного растения является принцип внешней схожести плода малины с северной ягодой морошкой. Номинация образована способом сложения. Итак, от носителей языка нами зафиксированы два названия малины – *зотэу морэу* и *путьки морэу*.

Княженика, поленика, костяника, дикая земляника. Обнаружены следующие наименования ягоды княженики (поленики, дикой земляники) в восточных диалектах: в. *путьки морэу* (букв. 'птички морошка'), тр.-юг. *ньёхэс мёрэну* 'княженика' (букв. 'соболя морошка'). В основе номинации лежит форма плода, так как ягоды княженики имеют внешнее сходство с ягодой морошки, что и явилось мотивировочным признаком. Семантический способ образования следующего названия ягоды можно объяснить двумя мотивировочными признаками: размер ягоды (ягоды княженики, костяники значительно меньше морошки) и форма ягоды (внешнее сходство княженики с морошкой): сург. *ай мёрэук* / к. *ай мэрэх* (букв. 'небольшая морошка').

Ежевика. Название ягоды ежевики присутствует в ваховском диалекте: в. *путьки морэу* 'птички морошка', в. *ньёхэс ул* 'соболя ягода'.

Шиповник. Названий шиповника у восточных ханты два: в. *ән'чэу пёук ул* и с. *анчэу*. В основе образования слова *ән'чэу пёук ул* лежит метафора. Семантический способ образования наименования шиповника в ваховском диалекте можно объяснить мотивировочным признаком, раскрывающим морфологическое строение растения: ствол и ветки шиповника колючие, колючки сравниваются с зубьями (*пёук* 'зуб'), *ән'чэу пёук ул* 'ягода шиповника с колючками' (букв. 'зубами').

Черёмуха. В восточных диалектах черёмуха имеет следующую номинацию: в. *йом ул* / с. *йом*. Значение слова носители восточных диалектов хантыйского языка не смогли уточнить.

Рябина. Для обозначения ягод рябины используются две лексемы – в. *лоэнь ул* 'рябины ягода' и с. *пэтар канкэт* 'рябины ягода'.

Особенностью названий ягодных растений в хантыйском языке является то, что одним и тем же словом в разных говорах и диалектах, называют разные ягоды: в. *путьки морэу* (букв. 'птичья морошка') – земляника, княженика, *ньёхэс мёрэну* 'княженика' (букв. 'ягода соболя'), юг. *ньёвэс мёрэну* 'малина' (букв. 'ягода соболя'), в. *ньёхэс морэу* 'малина' (букв. 'ягода соболя'), *ин икен воьцитот* 'малина' (букв. 'собираемое стариком-медведем'), в. *ньёхэсул* 'водяника' (букв. 'ягода соболя'), тр.-юг. *ньёхэс мёрэну* 'земляника' и т. д.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ хантыйских фитонимов, относящихся к ягодным растениям, в двух восточных говорах продемонстрировал разницу лежащих в их основе моти-

вационных признаков и позволил выявить уникальную специфику данной части языковой картины мира этого северного этноса. В хантыйском языке отмечена вариантность наименований одного и того же ягодного растения, что отражает вариантность актуальных для носителя языка признаков в значении слова.

Наименования ягод в восточных диалектах хантыйского языка образуют обширную лексико-семантическую группу, включающую 50 единиц. Многие названия ягод восточных диалектов являются общехантыйскими. Так, общехантыйские наименования в. *тахтау ул* / к. *тохтау вөл*, в. *йахэм ул* / к. *йохэм воньцэм ут*, с. *сэвэмсэ* / к. *сэвэпсы*, в. *а́мп ул* / к. *амп вөл*, *пўтьки морэ́нк* / ср.-об. *щипки вот* и др. также широко распространены в других диалектах хантыйского языка. В народной речи часто одно и то же растение имеет несколько наименований – в зависимости от того, какой именно признак положен в основу номинации. Некоторые названия ягод характерны только для сургутского диалекта, в других диалектах они не встречаются, не являются общехантыйскими словами (*канэк*, *каңки*, *мйкэл*, *лэ́ник* / *лэ́ник* и др.).

Выявлены диалектные номинации дикорастущих ягодных растений, в которых задействованы основосложение, словосложение и семантический способы. Впервые в научный оборот введены некоторые названия ягод, например, *кынь ул* 'духа болезней, смерти ягода', *пўтьки морэ́ж* 'малина' (букв. 'птички ягода'). Выявлены примеры, в основе мотивации которых лежит мифологический мотив: *кынь ул*, *моми рых*. Компонент «хищное животное» или «мифическое существо» в названии актуализирует предназначение ягоды для птиц и животных с целью предотвращения отравления данными ягодами. Многие ягоды для хантыйского этноса священны, их нельзя употреблять в пищу, это ягоды лесных, мифологических существ, диких животных. Для обозначения ягод можжевельника и жимолости употребляют также иносказательные слова. Наименования ягод представляют собой древнюю исконную лексику хантыйского языка, поэтому нет ничего удивительного в том, что при анализе не зафиксирован ни один заимствованный компонент.

Благодарности [Acknowledgments]

Автор благодарит информантов, носителей сургутского и ваховского диалекта хантыйского языка (Л. Е. Кунину, Е. Г. Прасину, А. К. Могульчину, Е. В. Прасину, А. С. Сопочину, О. Д. Тайлакову, Е. А. Курломкину, А. Г. Тайлакову, Р. С. Сопочину) за любовь к родному языку, за те знания, которые они сохранили и стараются передать молодому поколению.

Список сокращений и условных обозначений

аз. – азовский говор, в. – ваховский диалект, к. – казымский диалект, мар. – марийский язык, с. – сургутский диалект, сын. – сынский диалект, ср.-об. – среднеобской диалект, тр.-юг. – тром-юганский говор, удм. – удмуртский язык, ш. – шурьшкарский диалект, юг. – юганский говор

Библиографический список

- Бродский, 2014 – Бродский И. В. Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 124–139.
- Кунина, 2005 – Кунина Л. Е. Ал'вы. Альвы / сост. и пер. Л. Е. Куниной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 144 с.
- Лельхова, 2020 – Лельхова Ф. М. Номинации ягодной флоры в диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 6–11.
- Лельхова, 2021 – Лельхова Ф. М. Мотивационные признаки номинаций дикорастущих ягодных растений в хантыйском языке: этнолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 77–85. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85

- Лукьянова, 2014 – Лукьянова С. В. Этнолингвистическая специфика диалектной лексики // Вестник Псковского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5. С. 184–187.
- Покачева, Песикова, 2006, – Покачева Е. Р., Песикова А. С. Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект). Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. 124 с.
- Терешкин, 1981 – Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л. : Наука, 1981. 544 с.
- Шаламова, 2018 – Шаламова А. Ю. Фитонимическая лексика кильдинского саамского языка // Язык Севера : материалы Всероссийской науч. конф. 18 марта 2018 г. М. : Политическая энциклопедия, 2020. С. 75–81.
- Яковлев, 2011 – Яковлев Я. А. На столе и вокруг него [Сер. «Жизнь обских угров: взгляд изнутри». Т. 1]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 368 с.: ил.

References

- Brodsky, I. V. Vozvrashchayas' k drevneyshim nazvaniyam yagod v finno-ugorskikh yazykakh (brusnika i moroshka) [Returning to the oldest names of berries in the Finno-Ugric languages (lingonberry and cloudberry)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2014* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2014] (pp. 124–139). St Petersburg : NestorIstoriya Press. (In Russ).
- Kunina, L. E. (2005). *Äl 'va. Alva*. Compiling and translation by L. E. Kunina. Tomsk : Tomsk University Press. (In Khanty).
- Lelkhova, F. M. (2020). Nominatsii yagodnoy flory v dialektakh khantyyskogo yazyka [Nominations of berries in the dialects of the Khanty language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 12 (1), 6–11. (In Russ).
- Lelkhova, F. M. (2021). Motivatsionnye priznaki nominatsiy dikorastushchikh yagodnykh rasteniy v khantyyskom yazyke: etnolingvisticheskiy analiz [Motivational features of wild berry plant names in Khanty: Ethno-linguistic study]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 77–85. (In Russ). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85
- Lukyanova, S. V. (2014). Etnolingvisticheskaya spetsifika dialektnoy leksiki [Ethnolinguistic specificity of dialect vocabulary]. *Vestnik Pskovskogo gos. un-ta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and humanitarian sciences], 5, 184–187.
- Pokacheva, E. R., Pesikova, A. S. (2006). *Russko-khantyyskiy razgovornik (surgutskiy dialekt)* [Russian-Khanty phrasebook (Surgut dialect)]. Khanty-Mansiysk : Polygraphist Press. (In Russ and Khanty).
- Tereshkin, N. I. (1981). *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ and Khanty).
- Shalamova, A. Y. (2020). Fitonimicheskaya leksika kil'dinskogo saamskogo yazyka [Phytonymic vocabulary of the Kilda Sami language]. *Yazyk Severa* [The Language of the North] : Proc. of the All-Russian Scientific Conference. March 18, 2018 (pp. 75–81). Moscow : Political Encyclopedia Press. (In Russ).
- Yakovlev, Ya. A. (2011). *Na stole i vokrug nego* [On the table and around it] (Ser. «Zhizn' obskikh ugrov: vzglyad iznutri» [Book Series “The life of the Ob Ugrians: An inside look”], Vol. 1). Tomsk : Tomsk University Press. (In Russ).